
В ПОИСКАХ НОВОГО: ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ БОЯШОВ

Бояшов Илья Владимирович — известный российский писатель. Родился в Ленинграде. Из музыкальной семьи, отец — композитор. Закончил исторический факультет ЛГПИ им. А. И. Герцена. Много лет преподавал историю в Нахимовском училище. Был членом Ленинградского рок-клуба, играл на клавишах в группе «Джунгли».

Илья Бояшов — один из самых ярких современных прозаиков. Дебютировал он четверть века назад, но именно литературные выступления последних лет принесли ему известность не только в нашей стране, но и на европейской литературной сцене. Достаточно сказать, что Бояшов издан знаменитым «Галлимаром», одним из самых авторитетных издательств мира, открывающим, как часто говорят, будущих нобелиатов. Его книги переведены на французский, английский, греческий, польский, болгарский, румынский, чешский и сербский языки.

В 2007 г. Бояшов стал лауреатом премии «Национальный бестселлер» за книгу «Путь Мури». Этот чудесный роман, полный движения и света, воздуха и огня, настолько поразил членов жюри премии, что они решились отдать ему предпочтение, несмотря на то, что в список финалистов вошли произведения таких признанных мастеров пера, как Людмила Улицкая, Дмитрий Быков и Владимир Сорокин.

Приятно осознавать, что признание Илья Бояшов получил при жизни, отнюдь не в возрасте почтенного старца, а в зрелые годы человека, исполненного сил и энергии.

Статья писателя об Артеме Веселом, написанная для следующего тома «Литературной матрицы», ранее нигде не публиковалась и представляется читателям впервые на страницах этого журнала.

И. В. Бояшов

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ: БОМБА НА ПРИЛАВКЕ

Бердяев? Розанов? Ильин? Знать не знал
о них, и слышать не слышал.

А вот:

Белая армия, черный барон

Снова готовят нам царский трон...

Или:

Эх, тачанка-ростовчанка...

Наша гордость и краса.

Или:

По долинам и по взгорьям

Шла дивизия вперед.

Что еще окружало нас с детства?

Растиражированная повсюду история
о закалке стали, «Судьба барабанщика»,
вездесущий Ильич, жертвенный Феликс,

мечущийся по коридорам Смольного перековывающийся на глазах в большевика солдат-фронтовик («кипяточку бы»), Бабочкин на жеребце (полы бурки вьются на ветру, глаза бешеные), Данька, Ксанка, Валерка, Яшка-цыган, несгибаемый советский разведчик-куплетист Буба Касторский, и, конечно же, враги — сукины дети каппелевцы («хорошо идут!»), незадачливый капитан Овечкин, наконец, начальник опереточной врангелевской контрразведки полковник Кудасов, который, в конце концов, как и полагается сбежавшему от «светлой жизни» эмигранту, оказывается «полностью нищ»...

Кроме того — Дантон, Робеспьер, Марат, мерзавцы вандейцы, стремящиеся задушить благородных комиссаров Конвента.

Парижская комунна с генералом Домбровским.

Бессмертный Фидель.

Куба.

Че.

Мое отношение к *революциям (и революционерам)* было исключительно позитивным: *революции (и революционеров)* я одобрял.

И вдруг — бомба на прилавке.

Удивительная фантазмагория — когда повсюду сажали буковских и выпихивали из страны солженицыных, на обыкновенных столах обыкновенных книжных магазинов рядом с отчетами о всяческих партийных съездах лежали книги, которые власть не то, что должна была не допускать до продажи — да просто в зародыше уничтожать, ибо по сравнению с тем впечатлением, которое осталось от случайно приобретенной мною осенью 1983 г. книжицы (она только *рассказывала и ничего не объясняла*), прочитанная позже, запрещенная сверхдессидентская «И возвращается ветер...» того же Буковского (там о людоедстве советской власти твердилось чуть ли не в каждой строчке), показалась детским лепетом.

Чудны дела твои, Господи!

Два рубля восемьдесят копеек, темно-красенькая обложка (помню целую стопку этих одинаковых книжек, начиненных самым убийственным содержимым, в Доме книги на Невском). И продавались-то они не очень-то бойко, впрочем, как и брежневская «Целина».

Нет, не Платонов с его «Котлованом», не Булгаков, не Варламов, не «Архипелаг Гулаг», не трижды несчастный Иван Денисович, не зиновьевские «Зияющие высоты», не другие, передающиеся из-под полы из рук в руки, захватанные, пожелтевшие, потрепанные, щедро облитые и чаем, и кофе бесчисленные трактаты «Самиздата», которыми зачитывались у нас наиболее про-

двинутые «западники», разорвали на куски мое прежнее, ко всем и всяческим *общественным переворотам* восторженное «одобрям-с»...

Рейган, Тэтчер, Сева Новгородцев, а также целый легион штатных сидельцев русской службы на «Би-Би-Си» здесь ни причем.

Преспокойно себе изданный в «Лениздате» (двести тысяч экземпляров — только задумайтесь о масштабе диверсии!) на добротной бумаге, в добротном переплете, с согласия всех надзирающих органов разрешенный к продаже и совершенно легально выставленный на полках Артем Веселый...

Тогда уже жадно проглотивший «Антихриста» Станева, «Самостоятельных людей» Лакснесса, «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, и совсем уж ядреное «На улице перед дверью» Борхерта, я дернул и за эту чеку.

Взрыв был особенно сильный: воспитанный героикой Мальчиша-Кибальчиша я получил прямо в лоб.

Вся опохабившаяся, ссучившаяся, отравленная братоубийственной ненавистью Россия с ее зверями-матросами, шлюхами, беженцами, дезертирами, комиссарами и не менее освиневшими «белокопытными» баронами и графами, в кровавых бинтах, в поту и блевотине, нахлынула вдруг на меня и затопила собой, стоило только начать знакомство с этим, любезно предлагаемым самым что ни на есть официальным советским издательством, романом.

Впрочем, мне был явлен не роман в традиционном понимании этого слова, а нечто иное.

Рваные куски текста, вакхическая пляска слов, мелькание персонажей (один другого хлеще, что «красные», что «белые») — истинный литературный импрессионизм с его незаконченными мазками, с вопиющей яркостью и лоскутностью, с чередованием всевозможнейших стилей, от которых сразу же зарябило в глазах.

С первых же строк — пыль, гарь, смрад, ругань, всеобщее сталкивание, смертоубийство.

Бойня.

И при всем этом кошмаре псевдоним автора целиком соответствовал его прозе: было написано действительно **весело**. Впрочем, чему удивляться — наиболее жуткие сцены в фильмах ужасов, как правило, снимаются на фоне солнечного и безмятежного дня.

Очнувшись от шока, я уже не сомневался в том, чем закончился жизненный путь товарища Артема (и не ошибся, надо заметить, когда уже в наше «свободное» время прочитал его биографию — разумеется, бывший верный ленинец, а потом несомненный «враг народа», «шпион» и «лазутчик» Николай Иванович Кочкуров, подобно одному из своих героев, «отдал якорь» у «кирпичной, исклеванной пулями стены»).

Ну, расстреляли бы и постарались забыть (парадокс в том, что не было врагов для советской власти опаснее, чем эти, самые верные делу революции «веселые» писатели), так нет же, нет (еще раз напомним: двести тысяч экземпляров!).

Как такое могли *тогда* пропустить?

И в самом деле — как?

Для меня сие до сих пор остается загадкой.

Теперь о последствиях взрыва: именно с тех пор, как угостился я варевом «России, кровью умытой», а затем переварил, осознал, осмыслил содержимое — до дрожи, до какого-то на уровне клеток отторжения возненавидел все, что связано с любым «движением масс» (хоть в безобидной Монголии, хоть в Гвинее-Бисау). Возможно, слишком впечатлился дикой (иначе не скажешь) прозой Веселого, возможно, после этой, рывками и залпами написанной, книги, в подсознание закрался некий сакральный испуг — не знаю! Но с тех пор при одном лишь виде Ельцина на танке, защитников демократии образца 91-го г., бойких арабов в Египте и вообще любых восторженных человеческих толп,

заливающих собой площади и баррикады, реакция брэнного организма неизменна — гарантированная тошнота, ибо, не в последнюю очередь благодаря творчеству огненного большевика-импрессиониста, знаю, чем заканчиваются подобные стояния на бронетехнике и суды над всячески мубараками, а самое главное, попытки воплощения разнообразнейших «светлых идей» — от построения коммунистического или либерального «братства» до возведения всемирного Халифата.

И надо же — сколько было всего перечитано после, но на всю жизнь запомнилась и прочно во мне угнездилась, опять-таки не «гулаговская» одиссея Александра Исаевича, не шаламовская колымская правда (хотя мало что сопоставимо с нею), а всего лишь глава веселовской саги, вернее, даже не глава — бодро, и, что тут поделаешь, опять-таки **весело** написанная главка, этакая зарисовочка с названием «Отваги зарево»: лихое свидетельство всеобщего русского оскотинивания в нескольких плотно забитых прозой страницах.

Главка стоит того, чтобы ее хотя бы в двух словах пересказать.

К некоему председателю хуторского ревкома Егору Ковалеву, беспощадной революционной сволочи, приводят пойманную старуху-графиню. Из допроса выясняется — задержанная пробирается из Санкт-Петербурга на юг к сыновьям-офицерам. Графиню обыскивают. Та, не стесняясь в выражениях, костерит советскую власть. Приговор однозначен — «шлепнуть». (Мне ужасно не хочется снабжать статью цитатами из романа — Веселого нужно читать всего сразу, целиком — но исключение из правил, применительно к этой главке и еще к двум-трем местам, все же сделаю). Вот как описано конвоирование бесстрашной старухи к месту ее расстрела:

«Приговоренную... сопровождала большая толпа. Мужики шагали широко и с занятым видом. Боясь опоздать, бежали бабы и унимали плачущих детей, затыкая их

оружие рты жеваным хлебом или грудями: выкатившиеся из ситцевых кофт груди молодухек были белы и туги, как вилки капусты. Вприпрыжку скакали ребятишки. И впереди всех шли два мужика с лопатами на плечах.

Притихнув и не толкаясь, прошли через узенькую кладбищенскую калитку. Потом старуха была отведена в дальний угол, где хоронились нищие и бездомники».

Графиня прижимает к себе ридикюль. Конвоиры дают залп. «Упала вперед, ему (комиссару. — прим. И. Б.) под ноги, точно мужество ее было сломлено и она упала в поклоне.

Егор всадил в ее седую голову все пули из своего нагана и, вытерев рукавом бороду, сказал:

— Храбрая, стерва».

Далее палачи трясут ридикюль, из которого выпадает фотография: на ней изображены два офицера, судя по всему, сынки графини. Ковалев, повертев фотокарточку в руках, сует ее в карман, дабы приобщить к «делу» (расстреливали по постановлению хуторского собрания).

Опять-таки деталь:

«На хутор возвращались, возбужденно переговариваясь. Впереди всех на одной ноге скакал рыжий вихрастый мальчишка: он вертел над головой прутом, на который была надета маленькая шелковая туфля».

Проходит время (четыре месяца). Несгибаемый комиссар в своем «разбитом автомобиле» беспрестанно разъезжает по округу, проводя мобилизации в станицах и селах, умирят то уговорами, а то и пулеметами восстания, отбирает хлеб в пользу города — словом, занимается обычной деятельностью. В компании с шофером и помощником заглядывает он на один хутор, где председательствует некий Ежов, тайно сотрудничающий с белогвардейцами — и попадает в засаду: «...Перед окном мелькнул погон, папаха — и через мгновение в дом забежал, держа перед собой револьвер, офицер и за ним ввалились казаки:

— Руки вверх!»

Тут бы нашему комиссару и конец, тем более, мгновенно выяснилось, что за все выкрутасы с отнимаемым хлебом «нежно любит» местное население: «Дом уже окружила гудящая толпа, слышались выкрики и ругань...

— Дай их нам, ваше благородие! — за всех ответил, выступая вперед, седобородый старик. — дай нам, мы рассудим их своим судом».

Спутников Ковалева выдают — «они были толкнуты, как в омут, в толпу, и ревущая толпа поглотила их».

Очередь за комиссаром, который, подобно старухе, не менее мужественен. Но Ковалеву готовят иную участь. Начинается порка, казаки усердствуют. «По широкой раствороженной спине и заду ...защлепали, разбрызгивая кровь, плети. Шкура свисала ключьями». И вот здесь-то офицер, вытряхнув содержимое ковалевского портфеля, вдруг обнаруживает среди бумаг ту самую фотокарточку — и видит на ней себя и младшего брата.

«Ошеломленный офицер забыл о допросе и обо всем на свете... Как могла семейная карточка попасть в чужие руки? Хотя из дому он давно не получал писем, но был уверен, что отец и мать живут безвыездно в Петербурге».

В итоге карточка спасает Ковалеву жизнь — старший сын графини во что бы то ни стало хочет знать, откуда она у подлеца-комиссара и приказывает не запарывать его, а сохранить живым до следующего дня.

« — Стоп! — приказал офицер. — Он так сдохнет, а я должен узнать от него правду во что бы то ни стало... Мы заночуем тут, а утром возобновим допрос.

Егор был взвален на шинель и отнесен в арестантскую».

Фортуна благоволит к большевику: «Ночью член хуторского совета солдат Дударев топором зарубил караульного казака и на горбу утащил Егора за хутор в болото. Там они, перебираясь с кочки на кочку и ти-

таясь ягодами, прожили неделю, пока Егор оправился. Потом решили пробираться потихонечку в город».

Чудом спасшийся Ковалев немало потратил усилий, чтобы добраться до Ежова. И вот, наконец, усилия вознаграждены: предатель в его руках.

Дальше следует потрясающий конец:

«В солнечный воскресный день Егор Ковалев вывел за город с музыкой и песнями весь гарнизон, выстроил его и начал говорить речь, во время которой он несколько раз распоясывался, вздергивая рубаху и показывая солдатам свою почерневшую, как чугун, спину. Оборвав речь, так как не в силах был терпеть, он подбежал к ползающему на коленях Ежову, и его драгунская шашка заблестала: он оттяпал изменнику сперва руки, потом ноги, потом голову».

Главка, повторюсь, небольшая (таких главков и этюдов в «России» с добрый десятков) и с «Тихим Доном» и с «Гулагом», разумеется, совершенно несравнимая, но, признаюсь — ни солженицинский «Гулаг», ни шолоховский «Дон» при всех объемах и несомненных достоинствах не окатили меня таким крутым кипятком.

На закуску были в той самой, за два рубля восемьдесят копеек благодушно мне проданной бомбе еще повесть, рассказы и очерки, исполненные автором в привычном для него бесшабашном духе. И вновь пляска смерти, деградация, немислимая звериность, вакхическая гулянка воров и мародеров всех мастей и калибров: чего только стоили «Реки огненные» с главными персонажами: матросами-анархистами Ванькой-Граммфоном и Мишкой-Крокодиллом, верными кандидатами в очередь к исклеванной пулями стенке.

«Насчет эксов, шамовки или какой ни на есть спекуляции Мишка с Ванькой первые хваты, с руками оторвут, а свое выдерут. Накатит веселая минутка — и чужое для смеха прихватят. Черт с ними не связывайся — распотрошат и шкуру на

базар. Даешь-берешь, денежки в клеш и каргала!»

В повести все тот же ошеломляющий, то густой, а то и рассыпающийся какими-то искрами, временами чисто хлебниковский, язык:

«Кровью затекало закатное око. Качелилось море в темно-малиновых парусах.

У трапа волчок (молодой матросвахтенный. — прим. И. Б.).

Шапка матросская

под шапкой хряц

ряшка безусая

лоц

прыц

стручок зеленый...

...В железном цвету, в сером грымыхе кораблюшко. В сытом лоске бока.

Шеренгами железные груди кают.

Углем дышали жадные рты люков.

И так, и так заклепками устегано наглухо.

Со света до черна по палубе беготня, крикотня. С ночи до ночи гулковался караблюха. В широком ветре железные жилы вантов, гиковых-гуууу-юууу...

Рангоут под железо.

Взахлеб-бормотливой болтовне турбин буль-уль-уль-пульк-ульх: жидкого железа прибой. Дубовым отваром, смолкой хваченная оснастка задором вихревым стремительно вверх, в стороны. По крыльям мачт хлесть, хлесть.

Теплое вымя утра».

Можно было смело назвать создателя «Рек» словесным хулиганом — но дух захватывало от подобного хулиганства! Никогда ранее не встречался я со столь отчаянным словотворчеством, со столь дерганым, расплесканным ритмом, с удивительной, брызжущей во все стороны жизненной энергией, которую, казалось, никто и ничто не остановит:

«... И в Мишке с Ванькой ревели ураганы. И через них хлестали взмыленные дни: не жизнь — клюковка.

Леса роняли.

Реки огненные перемахивали.

Горы гайбали.

Облака топтали.

Грома ломали.

Вот они какие, не подумать плохого...

Шумели, плескались реки огненные... Густо плескались, пылали тяжелые ветра... Пылали, плескались зноем травы... Поезда бежали, зарывались в горы, с разбегу пробивали туннели. Табунами бродили пожары... Бежали сизые полынные степя... Дороги шумели половодьем.

Вытаптывая города и села, бежали красные, белые, серые и че-о-орная банда. Кованые горы бежали, дыбились, клецились. Бежали, как звери, густошерстные тучи, хвостами мутили игравшие реки.

Партизаны бежали,

падали,

бежали,

плевались

тресками, громами, бухами, хохом, ругом... Залтами расстреливали, бросками бросали наливные зерна разбойных дней.

Всяко бывало — и гожее и негожее — всего по коробу.

Жизня, сказать, ни дна, ни берегов...»

Таким вот, «ни дна, ни берегов», и остался во мне Веселый со своей исполосованной рубцами нервной, цветастой, отрывистой прозой, со своим воистину диким пером, ни на секунду не сомневающийся в правоте большевистской идеи, но, как всякий, с большой буквы Художник, незаметно для себя превратившийся в орудие той самой простой божьей истины, которая в итоге оказалась и выше, и правдивее его собственных убеждений. И эта явленная, как бы против воли автора, истина (суть ее предельно проста: ни под какими знаменами не доводите дело до крови ни в России, ни в Египте, ни в Ливии) потрясает. Добавлю, что самого же убежденного большевика, чекиста, красного редактора (и прочая, прочая, прочая) Николая Ивановича Кочкурова она, вне всякого сомнения, и привела, в конце концов, на его собственную Голгофу.

Времени, конечно, с 83-го г. прошло много, но точно помню — отходил я после подобной прозы долго.

И надо заметить — болезненно.

Нельзя сказать, что сделался оголтелым антисоветчиком — однако что-то с тех пор внутри надломилось.

А теперь — биография автора «Рек» и «России».

Здесь она, несомненно, скупа: тот, кто захочет подробностей, найдет их с избытком в воспоминаниях дочерей Кочкурова Гайры и Зайры «Судьба и книги Артема Веселого», да и в других мемуарах.

Ведь главное — захотеть.

Я же скажу вот что.

В 83-м г. по понятным причинам судьба Николая Ивановича не особо-то афишировалась: разысканная мною то ли в «Огоньке», то ли в «Литературной газете» (не помню) аккуратненькая статья с осторожностью лишь кое-что поведала о герое, похвалив его несомненную преданность коммунизму, рассказав два-три анекдотца из жизни и блестяще обойдя факт расстрела — выходило, что жил большевик с чистым сердцем, агитатор и горлопан, работал на революционное благо (боец Красной армии, редактор коммунистических газет), писал романы, рассказы и повести, и как-то сразу ушел в бессмертие — без упоминания лишних подробностей.

Пришлось удовлетвориться этим.

Впоследствии (правда о тех временах со всех сторон уже хлынула водопадами), вновь проглотив «Россию» (и вновь впечатлившись!), я не навел об авторе справки уже по другой причине: увы, гений и злодейство часто тогда совмещались и я испугался, что в случае с чекистом Кочкуровым так именно и произойдет (хранящиеся у меня сочинения Гайдара после того, как я ознакомился со службой Аркадия Голикова в Красной армии, в руки хоть и беру, но с какой-то грустью).

Поэтому, чтобы не расстраиваться, глубоко в жизнь Веселого я свой нос не совал:

ограничился краткими сведениями из различных источников.

В этих источниках, к своему облегчению, за ним никакого душегубства я не заметил.

Итак: Николай Кочуров впервые увидел не очень-то веселый свет 17 сентября 1899 г. в Самаре-городке, в семье волжского крючника, Ивана Николаевича Кочурова — и сразу же столкнулся с нищим детством. Мать Федора Кирсановна (из тех женщин, кто «коня на скаку...») родила мужу четырнадцать детей, жить остались двое — автор «России, кровью умытой», да его брат Василий (остальные померли в младенчестве).

С 1911 по 1913 гг. парнишка маялся в земском двухклассном училище, а затем, чтобы жизнь медом не казалась, был отправлен на трубочный завод работать по найму. Можно только представить себе угрюмые кирпичные цеха, не менее мрачные физиономии мастеров, гоняющих подмастерье, изнурительное тягло по десять-двенадцать часов и прочие трудовые прелести (по крайней мере, так описывались царские заводы в советских учебниках). Но если даже малая часть в истории с заводами — правда, не удивительно, что в следующем году четырнадцатилетний рабочий связался с местными анархистами — впрочем, в выборе наверняка сказался и его незаурядный, неумный темперамент: идеи последователей князя Кропоткина пришлись непоседливому Коленке по душе.

В 1914 г. началась Первая мировая, источники утверждают, паренек остро переживал несправедливость войны — и в 1916 г. не нашел ничего лучшего, как рвануть на фронт с совершенно большевистской целью — агитировать солдат за мир. Его чудом не поймали и не расстреляли. Уже тогда он вел дневники, записи из которых легли в основу «России, кровью умытой».

Вскоре грянул «семнадцатый год» — Николай Кочуров, как говорится, «сердцем

принял революцию». Вступивший теперь уже в большевистскую партию пассионарий является истинной для нее находкой: он — помощник редактора «Приволжской правды», а затем агитатор Самарского губкома РКП (б). Зимой 1917—18 гг. нелегкая заносит его на русско-германский фронт в районе Двинска — юный большевик участвует в боях и, разумеется, пишет.

Затем, вернувшегося в родную Самару, своего в доску ленинца едва не «шлепнули» местные чекисты. Бывший помощник редактора отметился в прессе неудобоваримой для них статьей о злоупотреблениях ЧК и советских работников. «Шлепнуть» не успели — в то время, как незадачливый критик нового режима маялся в застенке, поднял мятеж чехословацкий корпус. «Контра» Кочуров был срочно мобилизован в ряды Красной армии (такому повороту событий он, разумеется, не возражал) и принял активнейшее участие в боях.

Под Самарой счастливчика ранили. Бойца поместили в больницу. Вскоре контрреволюционные элементы выдали его белочехам. Когда раненого пришли арестовывать, тот чудом бежал, выпрыгнув в окно, затем перебрался через линию фронта к своим под Саратов. В Мелекесском уезде (ныне Димитровград) неугомный красноармеец становится секретарем уездного комитета, а вскоре его от Самарского обкома направили и в ЧК. Одновременно новоиспеченный чекист являлся еще и редактором газеты «Знамя коммунизма».

Последняя должность вновь чуть было не лишила его головы: пламенного агитатора подкараулили разгневанные крестьяне — коммунист едва унес ноги от «благодарных» читателей.

Забавно, что в родном городе «горячий самарский парень» волею судеб столкнулся ни с кем иным, как с Ярославом Гашеком, автором бессмертного «Швейка» (тот, во время мятежа, перешел на сторону советской власти и принимал в событиях самое активное участие). Талантливый, но мало-

грамотный футурист нагло заявил гениальному чеху об обветшалости прежних культурных традиций («скинем Пушкина с парохода современности»). Все контраргументы добродушного Гашека («в коммунистическое царство мысли» можно войти лишь только «поднимаясь по ступеням многовековой культуры») отметились в стиле ильфо-петровской «вороньей слободки» («мы ваших университетов не кончали»). Сам Веселый всю жизнь потом со стыдом вспоминал свою глупую тогдашнюю горячность, полностью признав гашековскую правоту.

Но все это было впоследствии, а в августе 1919 г. спорщик добровольцем отбывает на разгром Деникина. Партия не забывает верных борцов: Николай Кочкуров — красный комиссар самарского коммунистического батальона ЧОН.

В сентябре, однако, комиссара возвращают в тыл (Ефремов) — долечиваться после ранения. Там вновь его призывает к себе журналистика: газета «Красный пахарь» (редактор) и, позднее, тульская «Коммунар» (сотрудник). В то же время задиристый литератор печатает свои первые произведения.

Дальше литературная карьера идет по нарастающей. В начале 20-х гг. (источники разнятся: одни указывают 1920, другие — 1922) писатель начинает подписываться псевдонимом.

В 1921 г. Артем Веселый — студент Высшего литературно-художественного института им. В. Я. Брюсова. Правда, молодой большевик вскоре по партийной разнарядке оказался на Черноморском флоте, где «не снимал шинель» до 1922 г. После возвращения красный матрос с ходу женился на полтавчанке Гите Григорьевне Лукацкой. Природный темперамент взял свое и на любовном фронте: в 1924 г. у страстного товарища Артема почти одновременно рождаются две дочери — постарались жена и тайная подруга (что-что, а женщин писатель обожал!).

В том же году московскую литературную жизнь буквально взорвали «Реки огненные» (Москва. Издательство «Молодая гвардия»). Стало ясно — новая «будетлянская» литература, о которой страстно мечтал сумасшедший Хлебников — экспрессивная, бескомпромиссная, избыточная (даже чересчур) неологизмами, действительно имеет место быть. Кроме всего прочего не без участия Веселого в столице было основано литературное объединение «Перевал» (Артем хорошо знал активного участника писательских сходов Михаила Шолохова и даже консультировался с ним по поводу вынашиваемого замысла «России»). В то время он является еще и сотрудником Российского телеграфного агентства (РОСТА). Что касается творчества, пишет Веселый без перерыва: в 1925 г. явлен читающей публике, с интересом ожидающей продолжения «словесного хулиганства», рассказ «Дикое сердце», в 1926 — рассказ «Горькая кровь», повесть «Страна родная» и роман «Россия, кровью умытая» (фрагменты), а также сборник «Большой запев» с посвящением Велимиру Хлебникову (влияние последнего на творчество «дикого» автора несомненно). Но и этого мало! Автор пробует себя еще и на поэтическом поприще, собрав свои «стихотворения в прозе» в цикл «Домыслы».

В 1930 г. вместе с Шолоховым он махнул за границу. Цель — посещение Максима Горького на острове Капри. Добирались через Германию. В январе 1931 г. Веселый вернулся на родину. Вскоре в голове этого несомненного авангардиста зародилась еще одна идея: ему не дает покоя великий атаман Ермак. Писатель в одиночку (!) на рыбацкой лодке отправился в путешествие от верховий Волги до Астрахани и прошел в общей сложности почти двенадцать тысяч верст.

Итогом был роман «Гуляй, Волга», 1932 г. (в том же году «Россию, кровью умытую» опубликовали полностью).

1935 год. Светлое будущее не за горами. Из всех рупоров на телеграфных столбах доносится: «Эх, хорошо в стране советской жить!» и «Нас утро встречает прохладой!» Автор только что созданного киносценария «Завоеватели» и рассказа «В плену» под неумолчный хор громкоговорителей, славящих усатого горца, приезжает на родину (Самара переименована в Куйбышев), где его встречают, как настоящего триумфатора — следуют бесконечные посиделки с читателями и выступления на заводах. Публикации об Артеме в газетах бесчисленны. «Передовик новой литературы» купается в славе и работает по-стахановски, выдавая «на гора» новые статьи и рассказы.

Жизнь, казалось бы, удалась: шестеро детей от трех жен, страстные поклонницы, в престижном Переделкино завершается строительство собственной дачи — что еще нужно неугомному литературному новатору?

Однако мы дошли уже до знакового 1937-го.

Веселый вновь возвращается в Куйбышев, но (такое случалось только в стране Советов в те годы!) от былой популярно-

сти не осталось и следа — никто уже его не обласкивал, все были перепуганы. Вскоре бывшую знаменитость со всех сторон обложили подчиненные наркома Ежова (может, решили брать «до кучи», а может, умные люди наверху все-таки задумались над истинной моралью его буйных и бесшабашных книг).

Веселый понимал серьезность положения — никому старался не попадаться на глаза и фактически скрывался от вездесущего ордена товарищей с «чистыми руками и холодными головами», но 28 февраля 1937 г. ловушка захлопнулась.

Автор «России, кровью умытой», коммунист, активный участник Гражданской войны Николай Иванович Кочкуров был арестован у себя на квартире по адресу: улица Горького, дом 61, квартира 17 (впрочем, вскоре за решетку попали все писатели и поэты славного города Куйбышева и его окрестностей).

Оставалось придумать Веселому «дело». За «делом» дело не стало.

Когда и где привели приговор в исполнение — до сих пор неизвестно.